

УДК 821
ББК 83

СТАНОВЛЕНИЕ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В XIX ВЕКЕ

Д.В. Абашева, В.К. Сигов, Р.Х. Шаряфетдинов

Аннотация. *История фольклористики народов Российской Федерации многогранна и имеет важное значение как для дальнейшего развития литературного творчества, так и для взаимного обогащения, дополнения различных литератур. Особое место в данном контексте занимают Казанская губерния, издавна характеризующаяся этнической неоднородностью, многонациональным составом, а также Казанский университет, являющийся центром изучения быта, фольклора и литературы Приволжского края. Большое значение в процессе становления фольклористики и дальнейшего изучения литературы Поволжья приобретает деятельность собирателей и исследователей фольклора (Н.Ф. Катанова, В.К. Магницкого, А.Ф. Можарского, П. Никитской, А.В. Овсянникова, К.С. Рябинского, С.М. Шлилевского).*

Ключевые слова: *литература народов России, Поволжье, фольклористика, поэтика, народная культура, традиция.*

FORMATION OF THE FOLKLORISTICS OF THE VOLGA REGION IN THE NINETEENTH CENTURY

402

D.V. Abasheva, V.K. Sigov, R.Kh. Sharyafetdinov

Abstract. *The history of folkloristics of the peoples of the Russian Federation is multifaceted and is of great importance both for the further development of literary creativity and for the development processes of various literatures. A special place in this context is occupied by Kazan province, long characterized by ethnic heterogeneity and multinational composition. Kazan University is the center for studying the life, folklore and literature of the Volga region. The important role in the process of forming the folklore studies and further development of the literature of the Volga region plays the activity of collectors and researchers of folklore (N.F. Katanov, V.K. Magnitsky, A.F. Mozharsky, P. Nikitskaya, A.V. Ovsyannikov, K.S. Ryabinsky, S. M. Shlilevsky).*

Keywords: *literature of the peoples of Russia, the Volga region, folkloristics, poetics, folk culture, tradition.*

История российской фольклористики многогранна и создается на основе исследований фольклористов различных национальностей, которые взаимно обогащают, дополняют и расширяют историю собирания и изучения устного народного творчества. Современная теория и история фольклористики многонациональной России формируется на основе изучения проблем национального фольклора и фольклористики разных народов нашей страны. В связи с постоянным развитием фольклористической науки, расширением сфер ее деятельности и сохранением интереса к устно-поэтическому творчеству народов России как к одному из основных источников становления национальных художественных литератур и той базе, на основе которой создается современная теория и история фольклористики многонациональной России, повышается внимание к собирателям и исследователям фольклора народов России.

Актуальными являются исследования по осмыслению и обобщению дореволюционного периода собирания и изучения многонационального фольклора Поволжья.

Историю собирания и изучения фольклора в Поволжье, в Казанской губернии следует, несомненно, рассматривать в неразрывной связи со всей русской наукой о фольклоре. В то же время в Казанской губернии наблюдается ряд своеобразных моментов, рожденных специфическими условиями жизни приволжского населения как в области экономики и быта, так и в духовной культуре народа, в том числе в его устной поэзии, фольклоре. Эти особенности, прежде всего, обуславливались этнической неоднородностью,

многонациональным составом населения Казанской губернии. Здесь жили русские и татары, чуваша и марийцы (черемисы), удмурты (вотяки) и мордва, представители других народностей. Благодаря этим историческим обстоятельствам ученые имели возможность заниматься сравнительным изучением фольклора и этнографии указанных народностей или же углубленно изучать фольклор того или иного народа. Центром по изучению жизни, быта и фольклора Приволжского края была Казань с ее университетом. Именно здесь впервые были организованы научные общества по изучению края, вокруг которых сосредоточились силы ученых-энтузиастов.

Во второй половине XIX века стремление к литературно-фольклористическим и этнографическим научным исследованиям усиливается благодаря известным историческим событиям, под влиянием которых внимание передовой общественности, начиная с 1860-х годов, с новой силой было привлечено к крестьянству, к его быту, обычаям, к народному поэтическому творчеству. Ведется непрерывная дискуссия между революционными демократами и представителями консервативных научных кругов. Народ, его быт, обычаи, нравы, устно-поэтическое творчество привлекают пристальное внимание ученых. М.К. Азадовский писал, что «по количеству и качеству фольклорных изданий и сборников (и вообще фольклорных материалов) 1860-е годы могут быть с полным правом названы золотым веком в истории русской фольклористики» [1, с. 209]. В это время зарождалась и развивалась фольклористика других народов, населяющих Россию. В 1860–1870 годах создаются новые

ученые общества и товарищества, по-является целый ряд печатных трудов по фольклору и этнографии, организуются научные экспедиции, собирается и публикуется богатый фактический материал. Общественный подъем 1860-х годов сказался на всей собирательской деятельности. Во много раз возросла роль Русского географического общества, в работе которого позднее участвовал и Магницкий; поднялась роль Общества истории и древностей российских при Московском университете, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Важным и положительным фактом было и то, что памятники русской народной поэзии стали изучаться наряду с фольклором других народов России. Это вело к более глубокому пониманию культуры народов Поволжья и более четкому представлению о народном творчестве в целом. Дальнейшее развитие получила этнография. Такое интенсивное развитие научных интересов, возникших благодаря исторически обусловленному общественному подъему в стране, не могло не отразиться и на научной жизни губернских городов. Казанский университет в этом отношении представлял собою подлинно научный центр фольклористического и этнографического изучения Поволжья. Необходимо отметить, что наряду с русскими учеными в Казанской губернии во второй половине XIX века изучением быта и фольклора своих сородичей усиленно занимались представители интеллигенции всех народностей, в том числе и чувашского народа. В это время систематически появляются труды и материалы местных этнографов, фольклористов — энтузиастов собиратель-

ского дела: С. Михайлова, И. Яковлева, М. Федорова, Н. Охотникова, И. Юркина и других.

Подъем научной деятельности в Казанской губернии в значительной мере был связан с проведением в Казани IV археологического съезда в 1877 году. Это было свидетельством того, что Казань действительно являлась крупным и признанным научным центром (первые 3 съезда проходили в Петербурге, Москве и Киеве). IV археологический съезд России, проведенный в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г., явился большим научно-общественным событием и толчком к усиленному изучению этнокультурного состояния народов Поволжья. Название съезда «археологический» в современном понимании уже, чем его действительное содержание. Значение этого термина в те времена было более широким. Так, В. Даль определяет археологию как «науку о древностях вообще», археолога как «исследователя древностей», «археография ж. греч. описание письменных памятников древности, часть археологии». Такое значение несомненно имелось в виду (словарь В. Даля издавался в 1863-1866 гг.) и в названии IV археологического съезда. В связи с этим неудивительно и то, что на съезде уделялось внимание не только археологии, но и фольклору, этнографии. В период работы съезда в отделах истории, географии и этнографии были зачитаны доклады, далеко выходящие за пределы археологии и непосредственно связанные с фольклором и этнографией. Это были, например, доклады: И.А. Износкова «О сохранившихся преданиях по поводу названий русских и инородческих

поселений в Казанской и соседних с нею губерниях», Н.А. Кострова «Предания Томских инородцев о подданстве их России», В.Н. Витьевского «Предания о Пугачеве среди Уральских казаков», Б. Гаврилова «Поверьья, обряды и обычаи вотяков Мамдышского уезда», В.Н. Витьевского «Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии» и др.

Деятельность съезда не ограничивалась только Казанской губернией, а была гораздо шире, захватывая и соседние губернии России. Фольклорные работы, представленные на съезде, в основном содержали фактический материал, собранный самими докладчиками. Так, например, работа В.Н. Витьевского «Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии» знакомила широкую аудиторию с неизвестными бытовыми, историческими, хороводными и другими песнями, загадками и сказками мало изученного племени нагайбаков; автор приводил их подлинный текст и перевод на русский язык. На съезде был поставлен вопрос об основании в Казани Ученого общества для исследования археологии, истории и этнографии края. Мысль эта была высказана С.М. Шпилевским.

С этого периода коренным образом меняется организация научной жизни Казанской губернии по изучению быта и поэзии края. Эта работа становится целенаправленной, в нее вовлекаются многие местные деятели. Поэтому уже через год после археологического съезда, в мае 1878 года, при Казанском университете по примеру столичных обществ было организовано Общество археологии,

истории и этнографии. Цели и задачи Общества были определены в изучении прошедшего и настоящего русского и инородческого населения в территории бывших Булгарско-Хазарского и Казанско-Астраханского царств, с прилегающими к ней местностями. [7, с. 3]. Исходя из этой целевой установки, и развертывали свою деятельность члены Общества.

В целенаправленное «фольклорное дело» активно включались учителя и учащиеся разных школ, врачи, люди различных профессий. Общество археологии, истории и этнографии призывало население оказывать всемерное содействие в собирании материала по изучению местного края. Так, 19 марта 1879 г. Товарищем Председателя Общества С.М. Шпилевским была произнесена речь «О задачах деятельности Казанского Общества археологии, истории и этнографии и возможном содействии Обществу со стороны жителей местного края». В ней С.М. Шпилевский подчеркивал, что «признается важность изучения отдельных местностей не только в интересах этих местностей, но и целого государства и даже всего человечества» [7, с. 30]. Далее в своей речи Шпилевский призывал население помочь изучению своего многонационального края и решительно заявлял: «Мы признаем самостоятельный голос за каждую народность и желаем, чтобы эти здоровые и звучные, но различные голоса составляли один стройный хор, который поет на общее благо человечества!.. При историческом изучении мы одинаково признаем важность исторических явлений, какой бы народности они ни принадлежали... свое и чужое мы должны судить по высшим общечеловеческим

принципам» [7, с. 26]. Деятельность Казанского Общества археологии, истории и этнографии при такой прогрессивной ориентации его руководителей, бесспорно, была положительной. Как подчеркивал С.М. Шпилевский, археологическими этнографическими изысканиям во многом способствуют предания и песни. «Само собою разумеется, отмечал он, одинаковую важность имеют предания русские и инородческие, последние даже имеют преимущество перед первыми, как принадлежащие племенам более древним в данной местности... Вместе с историческими преданиями должно собирать и памятники устной словесности русского и инородческого населения — песни, сказки, пословицы, заговоры, загадки, надгробные причитания и т.п. Все это богатый материал не только для этнографии, но и для истории» [7, с. 27]. Шпилевский подчеркивал также особую ценность для науки такого исторического источника, как данные языка; в этом смысле отмечается важность трудов, подобных «Корневому чувашско-русскому словарю» Н.И. Золотницкого, в котором «объясняются многие стороны чувашской культуры». В этой же речи Шпилевский призывал заботиться также об обогащении археологического и этнографического музеев, открытых недавно.

Несомненно, подобные выступления членов Общества перед населением способствовали усилению интереса со стороны широких народных слоев к фольклорно-этнографическому делу. Популярность Общества среди масс, его научная деятельность росли из года в год. Об этом свидетельствуют цифровые данные из «Краткого очерка» Общества: «В течение этих восьми

лет личный состав Общества много изменился. Считая при открытии в своем составе 409 членов-учредителей, к концу первого года Общество имело уже 64 члена, а в настоящее время оно состоит из 138 членов» [6, с. 5].

Вопросам этнографии и фольклора в Обществе уделялось большое внимание: из 98 сообщений, сделанных за 8 лет деятельности (1878–1886), 36 были посвящены фольклорно-этнографическим проблемам, а в 1895 г. только за один год таких докладов было сделано 31; причем члены Общества стремились не просто собрать материал, но и изучить его и обнародовать, что и отмечено в упомянутом «Кратком очерке». В этих целях Общество организовывало выставки, проводило лекции для широких масс и т.п. Так, в 1887 году был прочитан ряд публичных лекций по актуальным темам, например, лекции И.Н. Смирнова «Задачи и значение этнографии», «Этнографический материал, его соби́рание и обработка» и др. [5, с. 75].

Казанское Общество археологии, истории и этнографии поддерживало постоянные научные связи не только с аналогичными обществами России, но и с зарубежными учеными обществами (Франция, Германия, Австро-Венгрия, Чехия, Нидерланды, Норвегия, Турция и др.), обменивалось новейшими изданиями. Членами Общества совершались важные экспедиции с научными целями, что содействовало расширению сфер его деятельности, в состав Общества как его действительные члены входили и многие известные ученые: И.А. Бодуэн де Куртене, Н.П. Загоскин, Ф.И. Буслаев, Е.Ф. Дудде, В.Р. Розен, И.Н. Смирнов, Г.Н. Потанин, А.Ф. Можаровский, Н.И. Зо-

лотницкий, И.А. Износков, В.К. Магницкий, К.В. Лаврский и др. Однако из-за недостатка денежных средств Общество не могло проводить намеченную работу в полном объеме, что отмечается в его ежегодных отчетах.

При Казанском Обществе была создана обширная научная библиотека, пополнявшаяся из года в год «почти исключительно путем частных пожертвований и доставления изданий их различными частными лицами, учеными обществами и учреждениями» [5, с. 1]. В первые годы своего существования Казанское Общество археологии, истории и этнографии уделяло фольклорным исследованиям меньше внимания, чем в последующие годы, но и в дальнейшем фольклор специально не выделялся, им занимался этнографический отдел Общества.

В 1869 году при Казанском университете было создано Общество естествоиспытателей, а в 1870 г. при этом Обществе был открыт отдел антропологии и этнографии, который также занимался изучением фольклора и этнокультуры местного края. Целью Общества естествоиспытателей являлось «исследование в естественно-историческом отношении восточного края России и Сибири». В основном деятельность его членов и была направлена на осуществление этой задачи, но оно занималось и этнографическими изысканиями. Так, в 1869–1870 гг. был заслушан доклад Д.Ф. Риттиха «Об этнографических исследованиях в Казанской губернии», в 1872–1873 гг. — доклад Э.П. Островского «Вотяки Казанской губернии» и т.д. Заслугой же указанного Общества было то, что оно способствовало оживлению научной мысли в крае.

Таким образом, собирательская деятельность фольклористов и этнографов в Поволжье в последней трети XIX века велась уже систематически, под руководством созданных здесь научных обществ. Она имела свои особенности, связанные с национальной неоднородностью населения. В Казанской губернии записывался фольклор и русского народа, и других национальностей, населяющих край. Этнографы же данного края в основном описывали жизнь и быт «иностранцев». Провести четкое разграничение среди местных ученых и собирателей по тому, каким фольклором они занимались, почти невозможно, потому что многие из них интересовались как русским, так и инонациональным фольклором. Сборники русского фольклора на местном материале создали такие собиратели, как А.Ф. Можаровский, А.В. Овсянников, В.К. Магницкий, К.С. Рябинский; оригинальный смешанный сборник выпустила П. Никитская.

Деятельность всех этих фольклористов относится к последней трети XIX века; в начале же века записи русского и инонационального фольклора в Казанской губернии не были обширными. Во второй половине века собиранием местных фольклорных материалов занималось также множество любителей; их заметки публиковались в разных повременных изданиях (календарях) и отдельных сборниках. Большую работу по собиранию и изданию русского фольклора Казанской губернии проводил Александр Федорович Можаровский — неутомимый труженик и энтузиаст (родился 3 августа 1846 г. в с. Бежбатман Свяжского уезда, Казанской губернии — умер в 1906 г.) Работая

воспитателем и учителем в различных гимназиях, он всю жизнь собирал фольклор и издал два сборника. Кроме того, Можаровский создавал на основе фольклорных сюжетов и свои художественные произведения в стихах, отмечая большое значение фольклора для народных школ. Он считал, что обработка фольклорных произведений для детей необходима в практических целях воспитания, и особенно оттенял в них дидактический элемент. Можаровский писал и произведения для взрослых».

В деятельности А.Ф. Можаровского можно выделить два направления: 1) фольклорное (создание сборников фольклора) и 2) литературное (написание собственных литературных сочинений). Нас более всего интересуют его сборники русского фольклора. Первоначально сборник «Святочные песни, игры, гадания и очерки Казанской губернии» вышел в приложении к «Казанскому календарю» на 1870 год, позднее, в 1873 г., с дополнениями и доработкой он был издан в Казани отдельной книгой. В предисловии к сборнику Можаровский отмечал, что в него включены и варианты тех песен, которые ранее уже были опубликованы, так как они представляют местный интерес для жителей Казанской губернии. Практическое значение своего сборника Можаровский видел в том, что читатель «может узнать, как известная песня поется в других губерниях и как в нашей Казанской, — узнает, как пелась песня в старое время и как поется ныне, и увидит, как казанские молодцы переделывают песни на свои образцы». Можаровский излагал и принцип классификации песен, по которому он расположил их

в своем сборнике. Очень дробная классификация привлекает внимание как еще один этап поисков ученых в работе над классификацией песен. Фактический же материал, представленный Можаровским, ценен и ныне. Кроме песен, названный сборник включает и игры деревенской молодежи, и девичьи святочные гадания. В дополнениях к сборнику дается этнографическое описание приготовлений к святкам. В оглавлении к сборнику Можаровский приводит названия песен и гаданий с указанием вариантов, имеющих в сборниках И.Д. Сахарова, А.В. Терещенко, П.И. Якушкина и М.Л. Михайлова. Этот указатель был отмечен еще его современниками как положительный факт, дающий «возможность сличить находящееся в этом сборнике с тем, что уже собрано другими и в других местностях» [2, с. 4–5]. Книга Можаровского, таким образом, положила начало выходу в свет значительных сборников русского фольклора Казанской губернии.

Второй сборник Можаровского был посвящен исследованию детского фольклора. В предисловии к каждому из его разделов собиратель давал собственную характеристику тому или иному жанру детского фольклора. Собрание «потех, забав, острот, прозвищ, стишков и песен» крестьянских детей предваряет вступительный очерк, в начале которого Можаровский справедливо сетовал на то, что собиратели обращали внимание «на один только возраст возмужалости, нисколько не касаясь детства» [3, с. 12]. И действительно, в XIX столетии было опубликовано незначительное количество сборников детского фольклора. Поэтому сборники детского фольклора мест-

ных собирателей приобретают особую ценность и значение для изучения современными фольклористами истории этого вида народного творчества. Сборник «Из жизни крестьянских детей...» открывается разделом «Материнские потехи с детьми». Можаровский делает ряд замечаний по поводу таких произведений; особенно отмечает воспитательный смысл «потех» матери с ребенком, начиная с колыбели и до трех лет. Он приводит не только тексты самих потешек, но и описывает те действия, которыми они сопровождаются. Всего в разделе 20 номеров «материнских потех» с детьми; собиратель же без нумерации дает им названия наподобие следующих: «Бирюльки», «У сороки боли», «Чей нос», «Кысынька» и т.п. II раздел сборника посвящен детским забавам. Исследователь отмечал общность детских забав «не только всему человеческому роду, но и детям целой природы» [3, с. 17]. Здесь же приводятся и игры детей. III раздел носит название «Детские остроты» и отражает непосредственное творчество детей. Расшифровывая смысл термина «детские остроты», Можаровский писал: «Детские остроты выражаются в прибаутках, которыми более смысленные дети потешаются над детьми менее смысленными» [3, с. 20]. В сборнике приводятся 5 примеров детских острот. IV раздел включает детские прозвища. Можаровский дал свое теоретическое обоснование происхождения этих произведений: «Под именем прозвищ разумеются такие изречения, песенки и прибаутки, которые относятся к одному лицу или ко многим, но сходным между собою или по имени, или по физическим и нравственным недостаткам. Прозвища эти произошли или естественно от

дурного впечатления, произведенного известным явлением на известное лицо, или же просто по грубости, из одного побуждения всячески осмеять другого» [3, с. 34].

Налицо не простое, механическое записывание Можаровским детского фольклора, а первые опыты его теоретического осмысления, что было весьма важным фактором для развивающейся фольклористики. Приводя прозвища, Можаровский давал и их паспортизацию, отмечал, что они были записаны в селе Бежбатман Казанской губернии. Но вообще этого принципа собиратель придерживался не всегда, и зачастую мы не находим в его сборниках конкретной паспортизации. Интересны дразнилки, отражающие местные особенности быта и жизни детей, их непосредственное общение с детьми других национальностей. В связи с этим в сборнике Можаровского мы находим дразнилки татар, русских, чуваш, марийцев, мордвы и т.д. В V разделе приводятся детские прибаутки, классификацию которых Можаровский давал согласно определению Гейфельдера, выделив стишки: а) на кушанья, б) на явления природы — дождь, солнце, луну, в) к игрушкам, г) к животным, д) суеверные. Всего здесь было 23 прибаутки, снабженных комментариями. В особый раздел (VI) включает Можаровский драматические стишки, отмечая в предисловии, что «это вид драматической поэзии, донныне никому не известный. Внешняя форма таких стишков диалогическая, внутренний же характер — живой неподдельный юмор» [3, с. 35]. Исследователь высказывал догадку и о происхождении таких стишков: «Всего вернее думать, вынесены

из балаганов, переняты от паяцев и пономарщиков» [3, с. 54]. Можаровский приводит 6 номеров драматических стихшков с попыткой их теоретического анализа. «Докучным сказочкам» посвящен VII раздел сборника. Отдельно выделены автором 12 сказочных песен с пояснениями (VIII). С обширным предисловием приводит Можаровский в IX разделе сборника детские песенки и подробно их анализирует. В приложении к сборнику он поместил русские народные при словья городам, селам и деревням Казанской губернии.

Подводя итоги изложенному выше, следует отметить, что А.Ф. Можаровский был не просто собирателем и издателем русского фольклора Казанской губернии, но и одним из первых его исследователей, ученым-фольклористом. Основные теоретические выводы Можаровского относятся к детскому фольклору, к которому он обращался не случайно, ибо сам был талантливым педагогом и знатоком детских душ, впервые подчеркнувшим то, что «певучесть крестьянских детей переходит вместе с ними и в зрелый возраст, производит все народные веселые и тоскливые песни и образует всех песенников с их звонкими, чистыми голосами». Вклад Можаровского в труды фольклористов Казанской губернии был весьма значителен. За свою исследовательскую деятельность он неоднократно получал поощрения от научных обществ, членом которых он состоял (Общество археологии, истории и этнографии, РГО). Так, в отчете о деятельности Казанского Общества археологии, истории и этнографии за 3-й (1880-1881) год его существования отмечается, что «Действительный член

А.Ф. Можаровский награжден в минувшем январе от Императорского Русского Географического Общества бронзовою медалью за свои труды по собиранию народных песен Свияжского уезда Казанской губернии».

Записывал русский детский фольклор в Казанской губернии также Константин Сергеевич Рябинский (1855-1903), служивший инспектором четырехклассного городского училища. Он немало потрудился в Казанском Обществе археологии, истории и этнографии, членом и сотрудником которого являлся с 1882 года. Кроме того, он посылал свои труды и в Русское географическое общество — «Материалы для этнографии уличной жизни детей» и др. В «Известиях» Общества археологии, истории и этнографии за 1885 год была напечатана его работа «Стишки крестьянских детей сел Астраханки и Карташихи Лаишевского уезда (собраны в течение 1882-1883 гг.)» [6]. Рябинский для составления своего сборника детского фольклора привлекал и корреспондентов; в частности, ему помогал сельский учитель В.М. Несмелов, о чем Рябинский сообщает в предисловии к сборнику. Главную часть собранного им материала составляют песенки детей. Некоторые из них он сравнивает с песнями, записанными Можаровским, и отмечает свойственные им различия. Кроме того, в работу включены поименные детские прозвища и ряд колядок. В этом же номере «Известий» вышла положительная рецензия Можаровского на работу Рябинского «Стишки крестьянских детей сел Астраханки и Карташихи Лаишевского уезда».

Собиранием русского фольклора в Казанской губернии в последней тре-

ти XIX века занимался и А.В. Овсянников, член Общества археологии, истории и этнографии. В 1886 году вышел сборник «Русские народные песни, записанные в г. Казани», составленный А.В. Овсянниковым. В предисловии к сборнику он так теоретически аргументировал необходимость своего собрания: «Песни разных местностей разнятся между собой и то являются вариантами уже записанных ранее песен, поющих чуть ли не повсеместно, то представляются чисто местными, незнакомыми в других областях, часто слагаясь под впечатлением каких-либо местных событий». Одновременно он отмечает, что «живой народ ведет живую жизнь и слагает свои песни почти непрерывно, а поэтому понятно постоянное внимание к песням, понятна необходимость и интерес в появлении новых сборников их» [4, с. 3–4]. В двух отделах своего сборника Овсянников довольно полно представлял те русские народные песни, которые пелись в Казани на свадьбах и игрищах.

Примечательным явлением в изданиях народных песен конца XIX века в Казанской губернии было то, что появлялись смешанные сборники фольклора разных национальностей. Так, в 1900 году в г. Казани вышел «Сборник песен, употребляемых простонародьем», титульный лист которого гласил: «91 русских и 36 переводных: с башкирского, чувашского, мордовского и черемисского языков, собранных в нескольких губерниях, в продолжение десяти лет с 1886 по 1896 год, женой священника Пульхерией Никитской». П. Никитская — одна из первых женщин-собиралиц фольклора в дореволюционном Поволжье. К сожалению, мы не мо-

жем судить о ее теоретических взглядах, так как не обнаружили архивных данных, а в указанном сборнике отсутствует предисловие. Сборник П. Никитской состоит из двух разделов, в первый из них были включены русские народные песни, во второй — песни разных народов в переводах. Собиралица не отмечает, где и от кого записаны приведенные песни, ограничиваясь кратким указанием под некоторыми из них о характере их исполнения, например: «90-свадебная» и т.п. Во втором разделе имеются пометки о том, с какого языка переведена та или иная песня. Несмотря на отсутствие полной паспортизации, сборник П. Никитской во многом удовлетворял требованиям фольклористики того времени.

Важно подчеркнуть начатое в это время в фольклористике переводческое дело: фольклор разных народов, населяющих Россию, становился достоянием широких кругов Российской научной общественности, вводился в науку. Тем самым трудами русских ученых создавалась не только история фольклористики русского народа, но и история фольклористики России. В настоящем обзоре нами были упомянуты наиболее значительные сборники русского фольклора, вышедшие в Казанской губернии в последней трети XIX века. Кроме того, большую организационную роль в собирании и изучении местного фольклора играли периодические издания, особенно «Казанские губернские ведомости» (с января 1838 года), «Волжский вестник», «Справочный листок г. Казани». В неофициальной части этих изданий печатались некоторые образцы фольклора и этнографический материал. В области фольклора и этнографии,

кроме непосредственного собирания, учеными губернии проводились и исследовательские работы.

Особенно заметный след здесь оставил Николай Федорович Катанов (1862–1922), профессор Казанского университета, создавший научные труды непреходящей ценности. Его исследования устно-поэтического творчества различных народов представляют большой интерес для современных фольклористов. Научная деятельность его протекала в Казанском университете и в Обществе археологии, истории и этнографии, председателем которого он являлся на протяжении десяти лет.

Интересные работы по изучению местного края создали И. Износков и Н. Агафонов. В 1888 г. И.А. Износков опубликовал статью «Песни и сказки в Поволжье», в которой отмечал, что в Поволжье все шире разворачивается собирательская работа фольклористов. Н.Я. Агафонов явился первым биографом некоторых ученых местного края, в частности фольклористов К.С. Рябинского и В.К. Магницкого. Многие из них занимались изучением фольклора и быта разных народов, создавая свои сборники песен. В большинстве случаев это были сборники русских народных песен, собранных в последней трети XIX века. Поэтому вызывает, по крайней мере, недоумение утверждение В. Павловой в предисловии к книге «Русское народно-поэтическое творчество в Татарской АССР» (Казань, 1955) о том, что «в дореволюционных сборниках и публикациях по местному фольклору нет общей направленности, определенной системы. В них совершенно не представлены произведения, отражающие многие мрачные стороны

крепостного быта. Исторические песни, которые широко бытовали в Казанской губернии, в сборниках отсутствуют. Нет ни рекрутских, ни солдатских песен. Это свидетельствует о том, что произведения народного творчества искусственно отбирались для печати. Следовательно, указанные сборники (В. Павлова касается сборников песен Овсянникова, Магницкого, Можаровского и др. — Д.А., В.С., Р.Ш.) не отражают всей многогранности и разносторонности устного творчества русского населения Казанской губернии» [18]. Между тем, при более внимательном подходе к предмету автор указанного предисловия избежал бы такого поверхностного обобщения. Фактический материал фольклорных сборников Можаровского и Магницкого уже позволяет делать совершенно противоположные выводы — о богатстве идейно-тематического содержания и продуманной системности этих собраний народных песен. Кроме собирания и изучения русского фольклора Поволжья, некоторые ученые во второй половине XIX века усиленно занимались исследованием быта и фольклора различных народностей местного края. Так, появляются работы о вотяках, мордве, черемисах и чувашах.

В ряду современных исследований по истории фольклористики все интенсивнее выдвигается региональный аспект, усиленно разрабатываются вопросы, посвященные областным, краевым, национальным фольклорным проблемам, так как создание истории фольклористики в ее цельном виде невозможно без учета всего фольклорного многообразия. В связи с пересмотром и уточнением сложившихся концепций развития

гуманитарных наук общие проблемы фольклористики и конкретные пути изучения истории науки нуждаются в развитии и целостном осмыслении. Наша статья является попыткой обобщения опыта, накопленного основоположниками фольклористики Поволжья.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азадовский, М.К.* История русской фольклористики. [Текст] / М.К. Азадовский. — Т. 2. — М., 1963. — 246 с.
2. *Износков, А.* Песни и сказки в Поволжье. [Текст] / А. Износков. — Казань, 1888. — 14 с.
3. *Можаровский, А.Ф.* Святочные песни, игры, гадания и очерки Казанской губернии. [Текст] / А.Ф. Можаровский Казань. — 1873. — 114 с.
4. Описание кургана и черемисского предания о нем [Текст] // Вятские губернские ведомости. — Вятка. — 1880. — № 41. — 4 с.
5. *Павлова, В.* Из истории собирания и изучения русского фольклора в Татарской АССР // Русское народно-поэтическое творчество в Татарской АССР. [Текст] / В. Павлова. — Казань. — 1955. — 75 с.
6. *Рябинский, К.С.* Стишки крестьянских детей сел Астраханки и Карташихи, Лаишевского уезда. [Текст] / К.С. Рябинский. — Т. VI. Вып. I-II. — Казань: ИОАИЭ. — 15 с.
7. *Шпилевский, С.М.* О задачах деятельности Казанского Общества археологии, истории и этнографии и о возможном содействии Обществу со стороны жителей местного края. [Текст] / С.М. Шпилевский. — Казань, 1879. — 40 с.

REFERENCES

1. Azadovsky M.K., *History of Russian folklore*, T. 2, Moscow, 1963, 246 p. (in Russian)
2. Description of the burial mound and the Cheremis legend about him, *Vyatka gubernskie vedomosti*, Vyatka, 1880, No. 41, 4 p. (in Russian)
3. Iznoskov A., *Songs and tales in the Volga region*, Kazan, 1888, 14 p. (in Russian)
4. Mozharovsky A.F., *Christmas songs, games, fortune-telling and essays of the Kazan province*, Kazan, 1873, 114 p. (in Russian)
5. Pavlova V., From the history of collecting and studying Russian folklore in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, in: *Russian folk-poetic creativity in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic*, Kazan, 1955, 75 p. (in Russian)
6. Ryabinsky K.S., *The rhymes of the peasant children of the villages of Astrakhan and Kartashikhi, Laishevsky Uyezd*, T. VI, Issue. I-II, Kazan, IAEA, 15 p. (in Russian)
7. Shpilevsky S.M., *On the tasks of the Kazan Society of Archeology, History and Ethnography and on the possible assistance to the Society from the local residents*, Kazan, 1879, 40 p. (in Russian)

Абашева Дина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, abasheva.diana@yandex.ru

Abasheva D.V., ScD in Philology, Professor, Russian Literature Department, Moscow Pedagogical State University, abasheva.diana@yandex.ru

Сигов Владимир Константинович, доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы XX-XXI веков, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, vladimirsigov@mail.ru

Sigov V.K., ScD in Philology, Professor, Russian Literature Department, Moscow Pedagogical State University, vladimirsigov@mail.ru

Шаряфетдинов Рамиль Хайдарович, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы XX-XXI веков, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, sharafetdin@mail.ru

Sharyafetdinov R.Kh., PhD in Philology, Professor, Russian Literature Department, Moscow Pedagogical State University, sharafetdin@mail.ru